

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 84–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 84–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470) «17/18»

EDN ATLTJO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ ПЕТРА I НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ РОССИИ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кидяров Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, a_kidyarov@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-5935>

Аннотация. Статья посвящена влиянию реформ Петра I на повседневную жизнь населения России на рубеже XVII–XVIII вв. с точки зрения современной отечественной историографии. Рассмотрены обобщающие труды постсоветского периода об эпохе Петра I, специальные исследования о конкретных сферах повседневности, о жизни отдельных групп населения (выделяемых по гендерному или профессиональному признаку) и регионов. Автор приходит к выводу, что, несмотря на высокий интерес современной исторической науки к проблематике повседневности различных эпох, применительно к петровскому времени данная тема изучена фрагментарно. Преобразования Петра I в области быта затрагиваются многими авторами, однако в современной российской историографии имеется лишь одно крупное исследование (В.П. Наумова), специально посвященное повседневной жизни самого Петра I и его ближайших сподвижников. Из различных аспектов повседневности внимание современных авторов привлекают в первую очередь нормы поведения россиян и их трансформация в ходе петровских преобразований. В историографии разрабатывается тема повседневности отдельных сословий (прежде всего, чиновничества). Сравнительно с другими регионами большее внимание уделяется повседневной жизни Санкт-Петербурга петровской эпохи.

Ключевые слова: Петр I, реформы, повседневная жизнь, современная историография, модернизация, вестернизация.

Для цитирования: Кидяров А.Е. Влияние реформ Петра I на повседневную жизнь России конца XVII – первой четверти XVIII в. в современной отечественной историографии // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 84–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

Research Article

IMPACT OF THE REFORMS OF PETER THE GREAT ON THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIA IN THE LATE 17TH AND THE EARLY 18TH CENTURIES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Aleksey E. Kidyarov, PhD in History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a_kidyarov@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-5935>

Abstract. The article is devoted to influence of the reforms of Peter the Great on the everyday life of Russia at the turn of the 17th and the 18th centuries in modern Russian historiography. It examines the post-Soviet period's generalising works on the era of Peter the Great, as well as special studies on specific areas of everyday life and the daily routine of certain groups of the population (based on gender or profession) and regions. The author concludes that, despite high interest of modern historical science in the issues of everyday life in various eras, that particular topic has been studied only partially in relation to the time of Peter the Great. Peter's reforms in everyday life have been addressed by many authors, but there is only one major study in modern Russian historiography (by Viktor Naumov) that specifically focuses on the daily life of Peter the Great and his closest associates. Of the various aspects of everyday life, the attention of modern authors is primarily attracted by the norms of behaviour of Russians and their transformation during Peter's transformations. In historiography, the theme of the daily life of individual estates (first of all, the bureaucracy) is developed. Compared to other regions, more attention is paid to the daily life of St. Petersburg during the era of Peter the Great.

Keywords: Peter I of Russia, reforms, everyday life, modern historiography, modernization, Westernisation.

For citation: Kidyarov A.E. Impact of the reforms of Peter the Great on the everyday life of Russia in the late 17th and the early 18th centuries in modern Russian historiography. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 84–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

Трехсотлетняя временная дистанция отделяет нас от эпохи Петра I, однако интерес к его личности и правлению не угасает. Это вполне закономерно, поскольку роль царя-реформатора в истории России, во-первых, исключительно велика и, во-вторых, имеет дискуссионный характер. Петровские реформы затронули фактически все стороны российской жизни конца XVII – начала XVIII вв. и оказали огромное влияние на последующую историю страны. Серьезной трансформации подверглась, в частности, и повседневность населения России. Как известно, в современной исторической науке история повседневности принадлежит к числу востребованных и активно развивающихся направлений. Повседневная жизнь переломных исторических эпох имеет особое значение, поскольку позволяет оценить глубину происходящих перемен и их значимость для отдельного индивидуума. Применительно к петровской эпохе В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский включают историю повседневности в число основных историографических «моделей», позволяющих дать оценку государственной деятельности Петра I [Багдасарян: 358].

Реформы Петра – военные, административные, экономические, церковные и другие – так или иначе неизбежно трансформировали российскую повседневность. Кроме того, хорошо известен тот факт, что в правление Петра I принимается целый ряд специальных указов, касающихся питания, костюма, гигиены, семейной жизни и других компонентов повседневности. Неудивительно, что эта тема в какой-то мере интересовала еще историков XVIII–XIX вв. Князь М.М. Щербатов писал о том, что при Петре «преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее», отмечая одновременно упадок в петровское время благочестия, распространение роскоши и сластолюбия [Щербатов]. Полвека спустя М.П. Погодин, подчеркивая всеохватывающее влияние петровских реформ на жизнь подданных Российской империи, констатировал: «Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну из сторон без того, чтобы не встретился с нами Петр: дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!» (цит. по: [Анисимов 2017: 9]).

В современной отечественной историографии тема влияния петровских реформ на повседневность рассматривается как в общих работах, посвященных правлению первого российского императора, так и в специальных исследованиях, анализирующих изменения в конкретных сферах повседневности.

Н.И. Павленко в классической работе «Петр I»¹, хотя и не выделяет историю российской повседневности при Петре в отдельный сюжет, тем не ме-

нее уделяет внимание петровским преобразованиям в области быта. Автор отмечает, что введение европейского костюма, бритья, нового летоисчисления наряду со строительством военно-морского флота и городской реформой относятся к числу ранних преобразований, открывавших эпоху масштабного реформирования. Все эти мероприятия были связаны общей целью европеизации. Начавшаяся в 1700 г. Северная война приобрела затяжной характер и длительное время привлекала внимание Петра в первую очередь к нуждам армии и флота. Постепенно, по мере того как победа в войне склонялась на сторону России, монарх начинает уделять пристальное внимание внутреннему развитию страны. Это выразилось в целом потоке указов, определяющих не только устройство государственных учреждений, но и подробно регламентирующих жизнь россиян. Они касались строительства домов, использования сельскохозяйственных инструментов, семейно-брачных отношений, поддержания здоровья населения и множества других аспектов повседневности вплоть до погребения умерших. По мнению Павленко, обилие петровских указов, регламентировавших жизнь подданных, объяснялось верой царя-реформатора в способность государственной власти рационально организовывать жизнь общества. При этом Петр I относился к подданным как к несмышленным детям или нерадивым ученикам, нуждающимся в постоянном наблюдении и опеке. Отсюда, с одной стороны, пространные преамбулы многих указов, разъясняющие населению смысл проводимых мероприятий, с другой – угрозы наказания нарушителям, присутствующие почти в каждом указе или регламенте [Павленко: 296].

Как и Н.И. Павленко, Е.В. Анисимов подчеркивает, что указы, регламентировавшие бытовую сторону жизни российских подданных, появились уже в начале преобразовательной деятельности Петра I. Петровские указы, вводившие европейский костюм, бритье и др., автор рассматривает в общем контексте петровского «регулярства», противопоставляемого «старине» с ее характерными атрибутами – долгополыми одеждами, длинными бородами, хаотичной городской застройкой, традициями и суевериями. Анисимов отмечает тотальный характер государственного контроля над жизнью русских людей петровского времени: «Едва родившись на свет, они вносились в специально заведенные при церквях метрические книги, потом вовремя определялись в школу, полк, канцелярию, подушный оклад. Когда же они умирали, их обязаны были хоронить в гробах установленного образца» [Анисимов 2009: 329]. Касаясь восприятия подобных преобразований населением, автор отмечает три типа возможной реакции на петровские реформы. Одни, как нижегоро-

дец Алексей Иванов, пытавшийся обличать петровские нововведения и умерший в 1704 г. под пытками в застенке, или участники астраханского восстания 1705–1706 гг., отвергали царские указы и становились жертвами репрессий. Другие вынуждены были во время официальных мероприятий носить внедряемый Петром европейский костюм, а в домашней обстановке спешили переодеться в привычные русские одежды. Наконец, третьи, которых было большинство, усваивали новые нормы поведения, привыкали к иностранным костюмам и обычаям. При этом, говоря о роли такого известного памятника петровской эпохи, как «Юности честное зерцало», вводящего новые стандарты поведения в обществе, Анисимов, в частности, отмечает, что рекомендации «Зеркала», посвященные женщинам, вопреки стереотипам, направлены отнюдь не на раскрепощение томившихся в термах затворниц, а на привитие девушкам скромности и стыдливости [Анисимов 2009: 332].

Ряд исследователей обращаются к «Юности честному зерцалу» в контексте истории русской дидактической литературы. В.В. Глебкин анализирует систему аргументации, используемой для обоснования поведенческих норм в «Домострое» и «Юности честном зерцале». Автор подчеркивает, что для «Домостроя» одним из ключевых регуляторов поведения был страх Божий, выраженный, в частности, в ожидании Страшного суда, понимаемого как вполне реальная перспектива. Человеческие поступки оценивались с точки зрения угодности или неугодности Богу; даже повиновение царю обусловлено покорностью Создателю. В памятнике XVIII в. религиозная составляющая аргументации предписываемых норм выражена слабее. При этом исследователь отмечает, что не следует преувеличивать секулярный характер российской культуры первой четверти XVIII в.: «Зерцало» отнюдь не порывает с христианскими ценностями, однако последние получают вспомогательный, второстепенный характер по отношению к ценностям сословным – дворянской чести и достоинству. Из 47 выделенных Глебкиным случаев обоснования в тексте «Зеркала» тех или иных норм только в шести присутствует религиозная аргументация [Глебкин: 110]. В сознании человека петровской эпохи христианская идентичность уступает место корпоративной. В.В. Глебкин отдельно рассматривает предписания для отроков и для девиц, делая вывод, что стандарты поведения юных дворянок, предписанные «Зерцалом», достаточно близки к нормам «Домостроя». В разделе, озаглавленном «Девической чести и добродетелей венец», религиозная мотивация сохраняет свою актуальность, а перечень девических добродетелей включает «любовь к слову и службе Божией» (что выражается, в частности, в заучивании избранных псалмов и библейских

притч), «страх Божий», «исповедание веры», смирение, стыдливость, молчаливость, почитание родителей и т. п. По мнению В.В. Глебкина, это объясняется тем, что женщины оставались за рамками новой социальной структуры, формировавшейся в ходе петровских реформ; как следствие, их поведение продолжало регламентироваться вполне традиционными религиозными нормами [Глебкин: 113].

По мнению М.В. Капкан и Л.С. Лихачевой, именно «Юности честное зерцало» можно считать символом реформ Петра I в области повседневной жизни. Авторы рассматривают указанную книгу в контексте традиции русских дидактических сочинений, таких как «Домострой» и «Гражданство обычаев детских». Общим с предшествующими памятниками у «Зеркала» является слабая выраженность авторского начала, переплетение этикета с моральными предписаниями, наличие стандартного круга этикетных ситуаций: 1) общение с лицами более высокого социального статуса (в частности, для «Домостроя» – это царь, духовенство, родители, для «Зеркала» – родители и старшие по службе), 2) поведение в церкви, 3) поведение за столом, 4) общение с чужими [Капкан, Лихачева: 117]. С одной стороны, М.В. Капкан и Л.С. Лихачева указывают на отсутствие кардинальных различий «Зеркала» с предшествующими текстами. При этом правила поведения за столом изложены в нем более упрощенно и «конспективно» по сравнению с сочинениями XVI–XVII вв., а характерная для подобной поучительной литературы тема неодобряемых телесных проявлений (плевки, сморкание, громкий смех) представлена в «Зерцале», по мнению авторов, «с меньшей деликатностью». В то же время они отмечают в памятнике петровской эпохи ряд новшеств: в частности, появляется определенный адресат – молодые дворяне (как юноши, так и девушки). Отсюда и изменения в характеристике нарушителей этикетных норм: если в «Гражданстве обычаев детских» порицаемое поведение сравнивается с повадками животных, то в «Зерцале» оно сопоставляется с поведением мужика, крестьянина. Текст «Зеркала» расширяет перечень моделей социального взаимодействия: в нем рассматриваются отношения с придворными, с прислугой, поведение при встрече со знакомыми и незнакомыми людьми на улице. Самым существенным новшеством авторы считают появление предписаний, адресованных девушкам-дворянкам. При этом сами эти предписания остаются вполне характерными для патриархального общества, в основе их лежат христианские добродетели [Капкан, Лихачева: 121].

На рубеже XVII–XVIII вв. в отечественной литературе получает распространение категория «политичности» (примерно соответствующая понятиям культуры и цивилизации). Появляются понятия

«политичный кавалер» и «политичная дама». К характеристикам «политичного кавалера», отмечает Л.А. Черная, принадлежат образованность, знание наук, «художеств» и иностранных языков. Задачу воспитания «политичных кавалеров» ставила основанная в 1700 г. в Москве пастором Глюком школа, в программу которой входили география, риторика, философия, иностранные языки, танцы, верховая езда и др. Человек нового типа усваивает идею служения не только государю лично, но и государству; он интересуется наукой, ценит искусство, в частности музыку, а также древности и раритеты [Черная: 403]. Примерами подобных кавалеров могут служить двоюродные братья В.В. и Б.А. Голицыны, Б.П. Шереметев, Б.И. Куракин, А.А. Матвеев. «Юности честное зерцало» также рассматривается Л.А. Черной в контексте приобщения российской молодежи петровской эпохи к стандартам европейской культуры. «В основу этикетных политических правил лег трактат Эразма Роттердамского «О воспитании нравов детских», перевод которого был выполнен И.В. Паузе, дополненный главами из разных западноевропейских пособий по этикету и, возможно, личными указаниями царя», – указывает исследователь [Черная: 400]. Что касается «политичных дам», то, по мнению Л.А. Черной, усвоение русскими женщинами европейских стандартов поведения было поверхностным и включало «хорошие манеры» и умение танцевать. Более глубокое проникновение европейской культуры и образованности в женскую среду происходит уже в послепетровское время [Черная: 402].

Книга В.П. Наумова является фактически единственным крупным исследованием, специально посвященным повседневной жизни самого Петра I и его сподвижников. Несмотря на то, что автор не претендует на полноценный охват темы, считая это задачей для будущих поколений историков [Наумов: 7], ему удалось разносторонне осветить российскую повседневность рубежа XVII–XVIII вв. сквозь призму, прежде всего, жизни великого реформатора и его соратников. Повседневная жизнь участников Великого посольства, быт эпохи Северной войны, рацион питания дворянского сословия, праздники и увеселения при дворе Петра Великого, реалии повседневности петербуржцев и москвичей, состояние транспорта, роль жалования в жизни чиновников, крестины, свадьбы, похороны и другие сюжеты охарактеризованы с опорой на разнообразный круг источников, среди которых заметное место принадлежит запискам иностранных дипломатов.

Непосредственное влияние на российскую повседневность начала XVIII в. и последующего времени оказала масштабная церковная реформа, принятая Петром I. Историк церкви протоиерей В. Цыпин, отметив «каноническую ущербность» ре-

формы, породившей «многие недуги» церковной жизни последующих столетий, утверждает, что деятельность Петра повлекла за собой падение нравов и благочестия, способствовала равнодушию к вере, распространению «вольнодумства». Впрочем, автор отмечает, что власть в петровское время старалась пресекать оскорбительные для православной веры выходки. Примером может служить случай, когда в имении князя Хованского в церкви было совершено пародийное отпевание, причем в качестве «мертвеца» выступал сам напившийся князь. Участники этого действия были приговорены к смертной казни, которую Петр заменил телесным наказанием. В петровское время появляются указы, требовавшие порядка в храмах: запрещалось разговаривать во время богослужения, подавать властям челобитные во время службы. В то же время издавались распоряжения против строительства новых часовен, употребления богатых церковных облачений и драгоценных сосудов. Суровые наказания полагались за распространение слухов о чудесах, видениях и пророчествах [Цыпин].

Н.В. Алексеева подчеркивает, что при Петре I государство стремится взять под контроль участие верующих в исповеди. Ведется учет уклоняющихся от исповеди, платить штраф обязаны как сами «небытейщики», так и умалчивающие о них священники. При этом по данным исповедных книг более позднего времени – второй половины XVIII в. чаще всего исповедью пренебрегали «молодые парни, престарелые вдовцы и вдовы, старые девы, сироты, матери-одиночки» [Алексеева: 122].

Е.В. Пчелов к важнейшим категориям повседневной культуры, подвергшимся трансформации в ходе петровских реформ, относит гербы и флаги, монеты и награды, символы, эмблемы, календарь, цифры и алфавит. Несмотря на то, что внедрение новых элементов культуры отражало петровскую политику вестернизации, на русской почве они получали новое осмысление. Примером может служить появление ордена апостола Андрея Первозванного и флага с Андреевским крестом. Указанный символ, с одной стороны, имеет прототипы в европейской геральдике (в частности, герб Амстердама), с другой – отсылает к известному летописному преданию о проповеди апостола Андрея на землях Руси. При введении летоисчисления от Рождества Христова Петр ориентировался на европейскую календарную систему, но в качестве примера приводил только православные народы, ведущие счет лет от Рождества: в соответствующем указе перечислены «волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, греки» и др. [Пчелов: 27] Е.В. Пчелов отмечает, что часть новшеств вводилась Петром в законодательном порядке, часть – постепенно, «эволюционным путем». По мнению автора, целью петровской модернизации было не просто

формирование новой культуры, но создание нового человека. Историк считает, что Петру это вполне удалось. Петровская трансформация повседневной культуры может быть сопоставлена лишь с той, которую впоследствии осуществит советская власть [Пчелов: 32].

В исследовании Н.Л. Пушкаревой затрагивается вопрос о влиянии петровской модернизации на частную жизнь российских женщин XVIII в. В большей степени этот аспект освещен в главе об условиях и особенностях заключения брака. Автор отмечает на основании наблюдений современников-иностранцев, что на рубеже XVII–XVIII вв. женщины отнюдь не вели сугубо замкнутый образ жизни. Так, среди торговцев на рынке вблизи Кремля было немало женщин. Затворничество касалось в большей степени представительниц аристократии [Пушкарева: 6]. Автор фиксирует ряд изменений в быту русской женщины в ходе петровских преобразований: введение одежды европейского кроя, обязательность участия в празднествах и публичных мероприятиях (если в 1699 г. на пиру в честь бранденбургского посла впервые участвовали женщины, включая Наталью Алексеевну, сестру Петра, то указом 1718 г. женщинам предписывается обязательное участие в ассамблеях), изменение форм знакомства молодежи (теперь девушки могли встретить будущих супругов на балах, ассамблеях, уличных гуляниях и т. д.). Несколькими указами Петра (1700, 1702, 1724 гг.) запрещается насильственная выдача замуж и женитьба. Венчанию должен был предшествовать не менее чем шестинедельный период, в течение которого жених и невеста имели право отказаться от заключения брака. Появляется практика фиксирования в брачном договоре согласия невесты на вступление в брак, а родители невесты обязаны были клятвенно подтвердить, что выдают дочь замуж не против ее воли. Тем не менее, отмечает автор, согласие новобрачной на практике могло быть формальным. Противоречия законодательства и реальной практики наблюдались и в других аспектах семейно-брачной жизни. Так, указ о единонаследии устанавливал в качестве брачного возраста для девушек 17 лет. Однако сохранялась традиция значительно более ранних браков (с 12 лет) [Пушкарева: 23]. Петровские указы, касающиеся брака, как пишет Н.Л. Пушкарева, предписывали его заключение в границах того или иного сословия, что обеспечивало, в частности, имущественное равенство супругов. Как известно, при Петре для желающих вступить в брак вводился минимальный образовательный ценз. Это касалось и лиц женского пола: неграмотные дворянки, неспособные написать собственную фамилию, теряли право выйти замуж. Разрешались браки с представителями иных вероисповеданий. К петровско-

му законодательству принадлежит и распоряжение, освобождавшее мужа от необходимости следовать за женой, совершившей преступление и приговоренной к ссылке. Аналогичное правило касалось и женщин. В целом, несмотря на некоторые исключения, в петровское время супруги проживали вместе, имели одну фамилию (мужа) и единый социальный статус [Пушкарева: 42].

Продолжая тему «женского вопроса» при Петре I, О.Н. Мухин отмечает противоречивость положения женщин в петровской России: женщины активнее вовлекаются в общественную жизнь, получают больше свободы «публичной репрезентации», но в то же время по-прежнему отторгнуты от реальных рычагов управления государством. К тому же участие в петровских ассамблеях и празднествах было не столько отдыхом и развлечением, сколько обязанностью [Мухин: 7].

В диссертации Я.С. Черемисиной рассмотрена повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга эпохи реформ Петра I. Автор выделяет повседневность служебную и бытовую, отмечая, что личная жизнь чиновника была подчинена государственной службе. В силу близости к власти чиновники среди первых испытывали влияние петровских реформ. Требования к квалификации госслужащих в петровское правление возрастают, их служебные обязанности жестко регламентируются. Частью служебной повседневности российских чиновников в условиях затяжной Северной войны была воинская обязанность, служба в пехоте рядовыми и офицерами. Среди факторов, влиявших на повседневную жизнь служащих, наряду с преобразованием государственных учреждений, тотальной регламентацией и контролем за выполнением обязанностей, вестернизацией общества, автор особо отмечает необходимость для значительной части чиновников переехать в новую столицу, где они сталкивались с трудностями обустройства. На основе архивных документов Я.С. Черемисина анализирует материальное положение чиновников, владение недвижимостью и движимым имуществом, особенности костюма, участие в официальных мероприятиях и празднествах, причем последнее было фактически одной из разновидностей служебной деятельности [Черемисина: 24].

Часть современных исследований затрагивают тему повседневности в отдельных городах и регионах России при Петре I. Естественно, что первое место здесь занимает Санкт-Петербург – любимое детище Петра, призванное воплотить его градостроительные идеи. В работе Е.В. Анисимова, посвященной основанию и ранней истории Петербурга, уделено внимание жизни первого поколения петербуржцев, в частности, описан быт строительных рабочих, ма-

стеровых и военных, дома петровских сподвижников и рядовых горожан, формирование городской топонимики, продовольственная проблема и наводнения в строящейся северной столице [Анисимов 2003: 305]. Продолжает тему монография О.Е. Кошелевой, посвященная составу, социальной структуре и повседневности населения Санкт-Петербургского острова эпохи Петра I. Исследование основано на данных архивных документов, в том числе судебных дел, и ограничено сжатыми временными рамками: материал относится главным образом к 1717–1722 гг. Узкие территориальные и хронологические рамки призваны, по мысли автора, сделать изложение более конкретным, помочь «выйти из тени» рядовым петербуржцам петровской эпохи [Кошелева: 16]. Рассмотрев заселение Санкт-Петербургского острова, дворовладение, положение отдельных категорий населения (чиновники, духовенство), автор уделяет внимание проблемам и конфликтам в среде первых петербуржцев: это семейные ссоры, конфликты хозяев и прислуги, заказчиков и работников, домохозяев и жильцов и др. Необходимость обустроиться на новом месте, дороговизна продуктов, нерегулярная выплата жалования заставляли петербуржцев искать разные стратегии выживания, в том числе криминальные. Возникающие в среде жителей города конфликты, отмечает автор, могли разрешаться как через суд, так и другими способами: через посредничество духовенства, жалобы начальству, путем мировой. С допетровских времен сохранялся такой архаичный способ регулирования отношений, как порука [Кошелева: 429]. Повседневность провинциального города, включая семейные отношения, девиантное поведение и криминальную жизнь, рассмотрены А.Б. Каменским на примере Бежецка. Из специальных исследований, посвященных другим регионам, отметим статьи Е.Д. Беспаленок о Смоленской губернии [Беспаленок: 144–148], Л.Н. Сусловой о Сибирской губернии [Суслова, Яркова, Буканова: 448–466].

Такой важный аспект повседневности, как развитие медицины и, в частности, борьба с эпидемиями в России начала XVIII в., нашел отражение в статье В.В. Пенского и коллектива авторов [Пенский: 763]. В публикации отмечается, что именно законодательство Петра I заложило основы санитарно-гигиенических мер, препятствующих распространению эпидемий, причем само это законодательство, будучи частным случаем правовой регламентации жизни населения, рассматривается в контексте патерналистских отношений государя и его подданных.

Помимо целенаправленного реформирования Петр самым своим поведением в какой-то мере вносил новые нюансы в повседневную жизнь эпохи. Частью повседневности являются и домашние животные. Как замечает И.В. Зимин, история известных

«по именам» собак русских царей начинается именно с Петра I. В статье О.Ю. Солодянкиной рассмотрена тема собак, принадлежавших российской императорской семье в XVIII – первой половине XIX вв. В случае Петра I это терьер Лизетта, участница сообщаемых А.К. Нартовым и Я.Я. Штелиным анекдотических эпизодов, вроде того, когда Екатерина Алексеевна, потерпев неудачу в заступничестве за опального придворного, велела составить от лица собаки записку с просьбой о помиловании осужденного и прикрепить ее к ошейнику Лизетты, причем это «ходатайство» было благосклонно принято государем. Достоверно неизвестно, насколько собаки венценосных предшественников Петра были вхожи в царские покои, но Лизетта постоянно сопровождала хозяина во время его отдыха. Если для средневекового русского человека собака – это «нечистое», хотя и полезное животное, то в новое время отношение к ней начинает изменяться. Петр находил уместным ставить послушную собаку в пример противникам реформ [Солодянкина: 11, 12].

В целом можно сделать вывод, что повседневность петровской эпохи в современной историографии освещена фрагментарно. Петровские преобразования в области культуры и быта так или иначе затрагиваются многими исследователями, изучающими правление Петра I, а также историю отдельных регионов и общественных институтов, но, несмотря на это, специальные исследования, посвященные повседневности рубежа XVII–XVIII вв., не столь многочисленны. В ряде обобщающих трудов, а также публикациях по отдельным аспектам повседневности проводится мысль о патерналистском характере петровской регламентации повседневной жизни россиян. Петр I видел свою задачу, возложенную на него Провидением, в приобщении России к принципам европейской цивилизации, что должно было обеспечить достижение «общего блага». На решение этой задачи и были направлены многочисленные петровские указы и регламенты. Вопросы питания, жилища, медицины и гигиены представлены в современной историографии отдельными статьями либо освещены в работах, имеющих популярный характер. Более подробно изучены исследователями стратегии и нормы поведения жителей России в петровскую эпоху, транслируемые, в частности, таким памятником, как «Юности честное зерцало». Специалистами по гендерной истории отмечено противоречивое положение женщин в контексте петровской модернизации: женщины активнее вовлекаются в общественную жизнь, но при этом по-прежнему в массе своей не имеют доступа к официальным институтам власти. Историки отмечают и двойственное положение чиновничества петровской эпохи: будучи одной из опор власти, оно ощущало гнет государ-

ственной службы, при этом именно данный слой населения одним из первых испытывал трансформации повседневной жизни. Вполне закономерно внимание исследователей к повседневности населения Санкт-Петербурга, где, как в фокусе, были сосредоточены противоречия и проблемы петровской эпохи. Подводя итоги, отметим, что история повседневной жизни России периода правления Петра I далеко не исчерпана и еще ждет будущих исследователей.

Примечания

¹ Монография впервые вышла в 1975 г., однако позднее была существенно отредактирована и в переработанном виде неоднократно переиздавалась в 2000-е гг.

Список литературы

Исследования

Алексеева Н.В. Покаянная практика в контексте реформ Петра I // *Verbum*. Псков: Изд-во Псковского гос. ун-та, 2016. Вып. 18: Исповедь и покаяние: у истоков формирования самосознания европейского индивида. С. 116–127.

Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 448 с.

Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. (Что такое Россия).

Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 363 с.

Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: История России. 2022. Т. 21, № 3. С. 351–362.

Беспалёнок Е.Д. Влияние реформ Петра Первого на повседневную жизнь горожан в XVIII в. (на материалах Смоленской губернии) // *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.* / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдунов. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. Т. 3. С. 144–148.

Глебкин В.В. От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // *Россия XXI*. 2013. № 4. С. 96–113.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 403 с.

Капкан М.В. «Юности честное зеркало»: этикетные традиции и новации / М.В. Капкан, Л.С. Лихачева // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 114–126.

Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. Москва: ОГИ, 2004. 486 с. (Нация и культура. Новые исследования).

Мухин О.Н. Петр I и «женский вопрос»: власть и гендер в России XVIII века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*: Сер.: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). 2004. Вып. 4 (41). С. 5–9.

Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. Москва: Молодая гвардия, 2010. 443 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Павленко Н.И. Петр I. 8-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2010. 428 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1238).

Пенской В.В., Борисов С.Н., Липич Т.И., Липич В.В., Борисова О.С. Polizeistaat и полиция против моровых поветрий: российские власть и закон в борьбе с угрозой эпидемий в 1-й трети XVIII века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. № 31 (спецвып. 1). С. 756–764.

Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. Москва: Ломоносовъ, 2012. 208 с. (История. География. Этнография).

Пчелов Е.В. Петр Великий и создание человека новой культуры // *Россия: общество, политика, история*. 2022. № 3 (3). С. 22–33.

Солодянкина О.Ю. Репрезентация власти, «человечивание» и вопросы безопасности: собаки в повседневной жизни российской императорской семьи // *История повседневности*. 2017. № 2 (4). С. 9–21.

Суслова Л.Н. Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века / Л.Н. Суслова, И.В. Яркова, Р.Г. Буканова // *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 448–466.

Цыпин В. История Русской Церкви (Синодальный период). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period/1_6#source (дата обращения: 20.06.2025).

Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2008. 26 с.

Черная Л.А. Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме» в России петровского времени // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 70. С. 397–405.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. URL: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nravov.shtml (дата обращения: 20.06.2025).

References

Alekseeva N.V. *Pokajannaja praktika v kontekste reform Petra I* [Penitential Practice in the Context of Peter the Great's Reforms]. *Verbum*. Pskov, Izd-vo Pskovsko-

go gos. un-ta Publ., 2016, vyp. 18: *Ispoved' i pokajanie: u istokov formirovaniya samosoznaniya evropejskogo individua* [Vol. 18: Confession and Repentance: at the Origins of the Formation of the European Individual's Self-Consciousness], pp. 116–127. (In Russ.)

Anisimov E.V. *Petr Velikij: lichnost' i reformy* [Peter the Great: Personality and reforms]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009, 448 p. (In Russ.)

Anisimov E.V. *Petr Pervyj: blago ili zlo dlja Rossii?* [Was Peter the Great Good or Evil for Russia?]. Moscow, NLO Publ., 2017, 272 p. (Chto takoe Rossiya. [What is Russia]). (In Russ.)

Anisimov E.V. *Junyj grad: Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City: St. Petersburg in the Time of Peter the Great]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003, 363 p. (In Russ.)

Bagdasarjan V.E., Resnjanskij S.I. *Obraz Petra I v sovremennom istoriograficheskom i obshhestvennom disкурсе* [The Image of Peter the Great in Contemporary Historiographical and Social Discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia]. Ser.: Istorija Rossii [Ser.: The History of Russia], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 351–362. (In Russ.)

Bespaljonok E.D. *Vlijanie reform Petra Pervogo na povsednevnuju zhizn' gorozhan v XVIII v. (na materialah Smolenskoj gubernii)* [The impact of Peter the Great's reforms on the daily lives of the townspeople in the 18th century (based on the materials of the Smolensk province)]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity: proceedings of the International Scientific Conference], ed. by V.A. Veremenko, V.N. Shajdurov. Saint Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2020, vol. 3, pp. 144–148. (In Russ.)

Cypin V. *Istorija Russkoj Cerkvi (Sinodal'nyj period)* [History of the Russian Church (Synodal Period)]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period/1_6#source (access date: 20.06.2025). (In Russ.)

Cheremisina Ja.S. *Povsednevnaia zhizn' gosudarstvennykh sluzhashchih Moskvy i Peterburga v pervoj chetverti XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday Life of Moscow and St. Petersburg Civil Servants in the First Quarter of the 18th Century: DSc thesis, summary]. Moscow, 2008, 26 p. (In Russ.)

Chernaja L.A. *Predstavlenija o «politichnom kavaliere» i «politichnoj dame» v Rossii petrovskogo vremeni* [Ideas about the “political gentleman” and the “political lady” in Russia during the time of Peter the Great]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2020, vol. 70, pp. 397–405. (In Russ.)

Glebkin V.V. *Ot hristianina k dvorjaninu. Sistemy bazovykh cennostej «Domostroja» i «Junosti chestnogo*

zercala» [From a Christian to a nobleman. The systems of basic values in Domostroy and Yunosti chestnoe zertsalo]. *Rossija XXI* [Russia XXI], 2013, no. 4, pp. 96–113. (In Russ.)

Kamenskij A.B. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelej: Istoricheskie anekdoty iz provincial'noj zhizni XVIII veka* [Everyday Life of Russian Townspeople: Historical Anecdotes from Provincial Life in the 18th Century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006, 403 p. (In Russ.)

Kapkan M.V. *«Junosti chestnoe zercalo»: jetiketnye tradicii i novacii* [«Yunosti chestnoe zertsalo»: Etiquette Traditions and Innovations], M.V. Kapkan, L.S. Lihacheva. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Proceedings of the Ural Federal University Journal. Ser. 1: Issues in Education Science and Culture], 2018, vol. 24, no. 1 (171), pp. 114–126. (In Russ.)

Kosheleva O.E. *Ljudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St. Petersburg Island in the time of Peter the Great]. Moscow, OGI Publ., 2004, 486 p. (Nacija i kul'tura. Novye issledovanija [Nation and culture. New research]). (In Russ.)

Muhin O.N. *Petr I i «zhenskij vopros»: vlast' i gender v Rossii XVIII veka* [Peter the Great and the «Women's Question»: Power and Gender in 18th-Century Russia]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki: (istorija, arheologija, jetnologija)* [Tomsk State University Journal. Ser.: Humanities: (History, archeology, ethnology)], 2004, vol. 4 (41), pp. 5–9. (In Russ.)

Naumov V.P. *Povsednevnaia zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov* [The Everyday Life of Peter the Great and His Companions]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2010, 443 p. (Zhivaja istorija: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva [Living History: The Everyday Life of Mankind]). (In Russ.)

Pavlenko N.I. *Petr I* [Peter I], 8 ed. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2010, 428 p. (Zhizn' zamechatel'nykh ljudej; vyp. 1238 [The Lives of Remarkable, vol. 1238]). (In Russ.)

Penskoj V.V., Borisov S.N., Lipich T.I., Lipich V.V., Borisova O.S. *Polizeistaat i policija protiv morovykh povetrij: rossijskie vlast' i zakon v bor'be s ugrozoi jepidemij v I-j treti XVIII veka* [Polizeistaat and the Police against Plagues: Russian Power and Law in the Fight Against Epidemics in the First Third of the 18th Century]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of Social Hygiene, Health Care, and Medical History], 2023, no. 31 (Special edition 1), pp. 756–764. (In Russ.)

Pchelov E.V. *Petr Velikij i sozdanie cheloveka novoj kul'tury* [Peter the Great and the Creation of a New Cultural Man]. *Rossija: obshhestvo, politika, istorija* [Russia: Society, Politics, History], 2022, no. 3 (3), pp. 22–33. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Chastnaja zhizn' russkoj zhenshiny XVIII veka* [The Private Life of a Russian Woman in the XVIIIth Century]. Moscow, Lomonosov Publ., 2012, 208 p. (Istorija. Geografija. Jetnografija [History. Geography. Ethnography]). (In Russ.)

Shherbatov M.M. *O povrezhdenii nraov v Rossii* [On the corruption of morals in Russia]. URL: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nraov.shtml (access date: 20.06.2025). (In Russ.)

Solodjankina O.Ju. *Reprezentacija vlasti, «ochelovechivanie» i voprosy bezopasnosti: sobaki v povsednevnoj zhizni rossijskoj imperatorskoj sem'I* [Representation of Power, "Humanization" and Security Issues: Dogs in the Daily Life of the Russian Imperial Family]. *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life], 2017, no. 2 (4), pp. 9–21. (In Russ.)

Suslova L.N. *Povsednevnaia zhizn' naselenija Sibirskoj gubernii v kontekste reform Petra I v pervoj chetverti XVIII veka* [Everyday Life of the Population of the Siberian Province in the Context of Peter the Great's Reforms in the First Quarter of the 18th Century], L.N. Suslova, I.V. Jarkova, R.G. Bukanova. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no. 6, pp. 448–466. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 15.07.2025.